

A
Т 761

На правах рукописи

ТРОФИМОВ ВАЛЕРИЙ КИРИЛЛОВИЧ

**ИСТОКИ И СУЩНОСТЬ
РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА
(СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Научная библиотека
Уральского
Государственного
Университета

Екатеринбург 2001

Работа выполнена на кафедре философии и культурологии Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при Уральском государственном университете им. А.М. Горького

Научный консультант:

доктор философских наук, профессор В.И. Копалов

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор А.П. Ветошкин

доктор философских наук, профессор А.В. Грибакин

доктор философских наук, доцент Л.А. Шумихина

Ведущая организация:

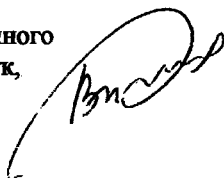
Удмуртский государственный университет

Защита состоится "19" апреля 2001 г. в 15.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.286.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук в Уральском государственном университете им. А.М. Горького (620083, Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета.

Автореферат разослан "14" марта 2001 г.

Ученый секретарь диссертационного
совета, доктор философских наук,
профессор

В.И. Плотников

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Настоящая работа анализирует социально-философский смысл русской формы национального менталитета, под которым автор понимает присущие национальной общности устойчивые коллективные представления о мире, реализующиеся в установках на предрасположенность к усвоению определенных социокультурных ценностей и норм, что влияет на специфику поведения людей, социальные отношения и культуру.

В истории человечества активными действующими силами выступают народы со специфическими чертами национального менталитета и с изменяющимся в ходе исторического действия статусом среди других народов нашей планеты. Не сбываются прогнозы относительно уменьшения роли национального фактора в связи с глобализацией экономических и политических процессов, ибо, начиная со второй половины XX в., резко усиливается влияние этнических процессов на ход мировой истории. К числу народов, оказавших наиболее глубокое влияние на ход мировой истории в новейшее время, относится и русский народ. XX в. войдет в историю и как период взлета русской нации в различных областях материальной и духовной культуры, и как эпоха истощения и надлома сил русского народа, вылившаяся в распад мировой сверхдержавы – СССР, а также в последовавший за этим процессом упадок российской государственности.

Современный национально-государственный кризис настоятельно ставит перед социально-гуманитарными науками, включая социальную философию, вопросы, ответы на которые позволяют глубоко оценить не только историческое прошлое России, но и реалии ее сегодняшнего бытия. Сегодня более чем актуален вывод, сделанный Н.В. Гоголем: “Велико незнание России посреди России”. Одно из направлений преодоления этого незнания предполагает обращение к современному осмыслению национальных особенностей ментальных черт русского народа, для обозначения которых в научной и публицистической литературе используются содержательно близкие, по мнению автора, термины “душа народа”, “дух народа”, “национальный характер”, а в последние годы – “национальный менталитет”.

Обращение к теме менталитета есть один из путей качественного обновления российского обществоведения, поскольку в результате этого открывается дорога к изучению новой проблематики, которая еще недавно либо игнорировалась, либо считалась не заслуживающей научного анализа. Теория менталитета позволяет гуманизировать исторический процесс, и преодолеть крайности вульгарно-материалистического подхода к истории

с его абстрактными и безличными схемами экономического детерминизма, в результате чего терялся человек с его внутренней жизнью и проблемами. Исторический процесс обусловлен не только экономикой и противоборством объективных социально-классовых интересов, но и воздействием менталитета социальных групп, в том числе национального менталитета. Ментальная составляющая исторического процесса для социальной философии является важнейшей, если понимать под философией полное и всестороннее учение о человеке и его отношении к внешнему миру.

По нашему мнению, исследование особенностей русского национального менталитета дает возможность более глубокого проникновения в смысл отечественной истории, понимания истоков российской государственности, осознания силы и слабости русского народа как государственно-несущей этнической составляющей России. Обращение к русскому менталитету позволяет отчетливее осознать сущность и своеобразие русской культуры, ибо национальные культуры в конечном итоге есть не что иное, как внешнее проявление скрытой внутренней сущности – ментальности этносов и наций. Менталитет помогает системному анализу российской истории и русской культуры, поскольку он является одним из фундаментальных системообразующих факторов российского общества.

Обращение к теме русского менталитета помогает глубже осознать причины фактической неудачи “большого скачка” России в капитализм на исходе XX столетия. Либеральные рыночные реформы, проведенные в соответствии с западными экономическими моделями, оказались малоэффективными в России, поскольку натолкнулись на сопротивление ментальной специфики страны. Без учета менталитета не может быть эффективной экономической политики, а также современного менеджмента – науки об управлении, в основе которой лежат человеческие отношения, включающие и национальный аспект.

Трудно переоценить значение менталитета в поисках новой национальной идеи, которая стала бы объединяющей и привлекательной для расколотого российского общества. Понимание ментальной специфики России актуально в деле патриотического и нравственного воспитания молодежи, а также в преподавании дисциплин социально-гуманитарного цикла в средних и высших учебных заведениях страны.

Сегодняшняя Россия стоит на историческом распутье и, как никогда, нуждается в современной концепции экономического, социально-политического, духовно-нравственного развития. Эта концепция должна соответствовать реалиям сегодняшнего дня – Россия должна быть открытой страной, и в то же время эта концепция не должна порывать с прошлым. Россия за свою тысячелетнюю историю выработала немало ценно-

стей, в том числе ценностей ментальных, которые заслуживают того, чтобы стать достоянием не только прошлого, но и будущего. Менталитет обеспечивает связь времен и преемственность поколений, он является залогом того, что Россия в состоянии преодолеть сегодняшний системный социальный кризис и найти в себе силы занять достойное место в мировом сообществе наций.

Степень разработанности проблемы. Вопросы происхождения и сущности русского национального менталитета – ярко выраженная комплексная тема, которая находит свое выражение, по крайней мере, в трех группах литературных источников. Прежде всего, она отражена во многих общественных и гуманитарных науках: этнологии, социальной психологии, этнопсихологии, социологии, истории, политологии и т.д. Помимо науки, данная тема является предметом размышлений деятелей православной церкви, литературы и культуры и находит свое отражение как в художественном творчестве, так и в публицистике. Наконец, тема своеобразия русского национального менталитета широко представлена в фольклоре (сказки, былины, мифы, анекдоты, пословицы, поговорки, частушки, песни). Задача социально-философского исследования состоит в том, чтобы органически соединить все три группы источников и дать на этой базе интегральную картину русского национального менталитета. На наш взгляд, именно социально-философский подход, реализацией которого выступает данная диссертационная работа, позволяет проникнуть в глубинную сущность русского менталитета и в его многообразные социально-культурные проявления.

Впервые научная постановка темы национального менталитета наблюдается в философии и науке Нового времени. Объектом рассмотрения становятся понятия “душа народа”, “национальный характер”, “дух народа”. Следует выделить труды В. Вундта, Г. Гегеля, К. Гельвеция, И. Гердера, И. Канта, М. Лацаруса, Г. Лебона, Ш. Монтескье, И. Фихте, А. Фуллье, Г. Штейнталя, Д. Юма. В их работах можно найти первые определения сущности национального характера, размышления о влиянии природно-климатических условий и политических факторов на особенности характера народов, наблюдения за проявлением национального менталитета в особенностях социальной жизни и культурном творчестве наций и народов, первый опыт компаративистики – сравнения характера различных народов.

Национальный менталитет есть один из признаков нации, поэтому необходимо сказать о научных изысканиях в области теории этносов и наций. Здесь можно отметить работы Р.Г. Абдулатипова, Ю.П. Андреева, В.В. Бабакова, Ю.В. Бромлея, В.С. Грехнева, А.Г. Здравомыслова, В. Коз-

лова, Л.С. Мамута, Х. Ортеги-и-Гассета, М.Н. Руткевича, В.М. Семенова, Н.Г. Скворцова, Э.В. Тадевосяна, В.А. Тишкова, Н.Н. Целищева и др.

В XX в. исследование теоретических и методологических проблем национального характера и национального менталитета получает широкое распространение в различных областях научного знания. Можно назвать работы таких отечественных и зарубежных авторов, как Г.М. Андреева, Э.А. Баграмов, О. Бауэр, Ю.В. Бромлей, Г. Гачев, П.И. Гнатенко, Н.Д. Джандильдин, Г. Дуийкер, А. Инкельс, А. Кардинер, А.С. Кармин, И.С. Кон, Д. Левинсон, Н.О. Лосский, В.Г. Николаев, З.В. Сикевич, А.И. Солженицын, П.А. Сорокин, Н. Фрийд, Э. Фромм, Г.Г. Шпет и др. Начиная со второй половины XX столетия национально-психологическая специфика народов все чаще исследуется с помощью категории “менталитет”. В исследование проблемы менталитета, разнообразностью которого является национальный менталитет, внесли вклад такие авторы, как Е.А. Ануфриев, А.А. Веремьев, М. Вовель, Г. Гетц, А.Я. Гуревич, П.С. Гуревич, И.Г. Дубов, Ж. Дюби, В.В. Козловский, Ж. Ле Гофф, Л.В. Лесная, Б.Ф. Марков, А.А. Петраков, В.И. Плотников, Ж. Ревель, А.И. Рёдель, Т.Г. Стефаненко, Д. Филд, М.Ю. Шевяков, Л.А. Шумихина и др. Работы этих и других ученых показывают важное значение менталитета в жизнедеятельности народов и дают методологический базис для исследования сущности и своеобразия русского национального менталитета.

Русский национальный менталитет составляет смысловой фокус самостоятельной российской цивилизации и для его понимания требуется исследовать сущность цивилизационного подхода и специфику российской цивилизации. Ответы на эти проблемы можно найти в трудах А.С. Ахиезера, Л.Н. Гумилева, Н.Я. Данилевского, Ю.Г. Ершова, И.Н. Ионова, К.Н. Леонтьева, В.И. Мельника, В.Г. Нестерова, А. Дж. Тойнби, Н.С. Трубецкого, С. Хантингтона, В.Ф. Шаповалова, О. Шпенглера и др.

Формирование менталитета русского народа происходило под мощным влиянием четырех основных сил: природных условий, особенностей социальной жизни, православной религии, специфических особенностей национального воспитания. Роль природных факторов раскрывается в работах В.Г. Белинского, И.Г. Гердера, И.А. Ильина, В.О. Ключевского, Д.С. Лихачева, Л. Милова, Р. Пайпса, О.А. Платонова, Л. Смирнягина, Н.С. Трубецкого, А.С. Хомякова. Влияние особенностей социальной жизни, связанное прежде всего с авторитарным устройством государственной власти и общинным образом жизни, показано Н.А. Бердяевым, А.О. Бороноевым, А.И. Герценом, А.А. Зиновьевым, И.А. Ильиным, К.Д. Кавелиным, И.В. Киреевским, В.О. Ключевским, Ф.Ф. Нестеровым, О.А. Платоновым, П.И. Смирновым. Воздействие православия на душу русского на-

рода раскрыто в трудах Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Б.И. Вышеславцева, С.З. Гончарова, А. Ельчанинова, И.А. Ильина, митрополита Иоанна, А.В. Карташева, И.В. Киреевского, П.И. Новгородцева, Г.П. Федотова, П.А. Флоренского, Г.В. Флоровского, П.Я. Чаадаева, А. Шмемана, И. Экономцева, В.Ф. Эрн. Особенности российской национальной системы воспитания и образования нашли отражение в работах А.П. Ветошкина, И.А. Ильина, В.И. Копалова, И.Я. Лойфмана, А.И. Минакова, Г. Ризз, К.Д. Ушинского, Э. Эриксона. Работы указанных и других авторов дают целостную картину детерминант, под влиянием которых формируются специфические черты русского национального менталитета.

Сущность русского национального менталитета многогранна, т.е. представляет собой сложное сочетание взаимосвязанных ментальных качеств. Крайняя противоречивость менталитета исследована в работах С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, Ф.М. Достоевского; чувственно-созерцательный строй русского менталитета показан Н.А. Бердяевым, Ф.М. Достоевским, И.А. Ильиным, А.С. Пушкиным; безмерность национального менталитета подчеркивают Ф.М. Достоевский, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, С.М. Соловьев, А.К. Толстой; стремление русского народа к абсолютным ценностям исследовано Н.А. Бердяевым, Ф.М. Достоевским, И.А. Ильиным, Л.П. Карсавиным, Н.О. Лосским, Л.Н. Толстым; национальная стойкость в специфической русской форме своего проявления отражена в творчестве Ф.М. Достоевского, И.А. Ильина, Н.А. Некрасова, А.Н. Толстого, Л.Н. Толстого, Ф.И. Тютчева; “мы” – психологический срез менталитета русского народа вскрыт в работах Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, Г.В. Флоровского, С.Л. Франка, А.С. Хомякова; специфически русское понимание свободы нашло отражение в творчестве Ф.М. Достоевского, И.А. Ильина, Н.О. Лосского, Г. Померанца, А.С. Пушкина; о всечеловечности и связанном с нею мессианизме говорят Н.А. Бердяев, А.А. Блок, Ф.М. Достоевский, Ф.Ф. Нестеров, В.Ш. Сабиров, В.С. Соловьев, В. Шубарт и др. Различные грани русского национального менталитета отразились в структуре русского языка и в устном народном творчестве, в связи с чем сохраняют свое непреходящее значение работы В.И. Даля.

Русская культура испытывает на себе мощное влияние особенностей национального менталитета. Ученые и философы пишут о проявлениях национального менталитета в различных областях материальной и духовной культуры: в философии (Б.В. Емельянов, В.В. Зеньковский, А.Ф. Лосев, К.Н. Любутин, Г.П. Худякова и др.); в литературном творчестве (В.И. Колосницын, В.И. Копалов, В.А. Недзвецкий, В.П. Скобелев, Е. Черносвитов и др.); в науке (Н.В. Бряник, Т.Д. Марцинская, А.В. Юревич и др.); в фольклоре (А.Н. Афанасьев, А.К. Бычков, В.И. Верховина,

Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, Л.В. Лозовская, О.А. Петренко и др.); в экономике (И.В. Грошев, Л. Мясникова, К.П. Стожко и др.); в народном искусстве (В.И. Белов, Н.В. Гоголь, И.В. Кондаков, Л.Н. Пушкарев и др.).

Для понимания смысла данной диссертационной работы немаловажное значение имеет научная школа, в рамках которой формировалась интеллектуальная биография автора. Это труды представителей уральской школы философии: Ю.П. Андреева, Л.М. Архангельского, Б.В. Емельянова, А.Ф. Еремеева, В.Е. Кемерова, В.В. Кима, Л.Н. Когана, В.И. Копалова, И.Я. Лойфмана, К.Н. Любутина, Д.В. Пивоварова, В.И. Плотникова, М.Н. Руткевича, М.М. Шитикова и многих других ученых.

Таким образом, проблема русского национального менталитета является предметом пристального внимания отечественных и зарубежных авторов. В рамках русской философии эта тема является своеобразной “вечной” проблемой, ибо она пронизывает всю ее историю.

Однако, по мнению автора, русский национальный менталитет еще недостаточно глубоко исследован с позиции специального социально-философского подхода. Этот пробел в области социальной философии призвана восполнить данная диссертационная работа. Тема диссертации нуждается в дальнейшей разработке, поскольку в представленном варианте видения проблем русского национального менталитета она еще не была предметом специального научного исследования.

Цель и задачи исследования. Основная цель работы – социально-философское исследование истоков и специфической сущности русского национального менталитета, что позволяет предметно отразить всеобщее – менталитет как феномен бытия человека, общества и культуры.

Для достижения поставленной цели предполагается реализовать следующие задачи:

- определить социально-философский статус категории “нация” и место национального менталитета в системе ее основных признаков;
- реконструировать эволюцию философских и научных взглядов, анализирующих проблему национального менталитета;
- провести категориальный анализ национального менталитета для установления его научного социально-философского статуса;
- исследовать источники детерминации русского национального менталитета на базе трех способов философствования (натурализма, социоцентризма, геоцентризма);
- дать целостную картину воззрений отечественных мыслителей на проблему специфических особенностей русского менталитета;
- выделить основные сущностные качества русского национального менталитета;

- показать социально-культурные проявления русского национального менталитета и его влияние на специфику исторического развития России.

Методологическая основа и теоретические источники исследования. Исходным концептуальным методом исследования выступает диалектический принцип единства исторического и логического, суть которого состоит в раскрытии соотношения между исторически развивающимся объектом и его отражением в теоретическом сознании. Применительно к данной работе историческое есть процесс становления объекта исследования – русского национального менталитета, а логическое – рациональное воспроизведение этого развитого объекта в его существенных качествах и многообразных социально-культурных проявлениях. На наш взгляд, использование именно этого метода дает возможность выявить сущностные качества русского менталитета на основе предварительного анализа его детерминационной обусловленности специфическими условиями исторического бытия русского народа. Своеобразным эталоном в использовании этого метода для нас является работа И.А. Ильина “Сущность и своеобразие русской культуры”. Логическое постижение качественных признаков души русского народа И.А. Ильин предваряет историческим анализом тех уникальных природных, социальных, культурных и религиозных факторов, которые во многом предопределили своеобразный душевный облик – менталитет русского народа.

Следовательно, принцип единства исторического и логического, как один из компонентов диалектического метода, служит методологическим ключом постижения сущности и закономерностей функционирования такого сложного феномена социальной и духовной жизни, каким является русский национальный менталитет.

Другим методом, который играет фундаментальную роль в процессе социально-философского исследования русского национального менталитета, является диалектический принцип противоречивости, который исходит из идеи познания объектов на основе изучения их противоречивой внутренней сущности. Принцип противоречия используется на всех стадиях диссертационной работы, однако особенно важную роль он приобретает при анализе специфической сущности русского национального менталитета и его социально-культурных проявлений. Методологическим ориентиром в этом плане для нас являются размышления Н.А. Бердяева об антинормичности души русского народа. Применение принципа противоречия позволяет дать объективную, неприукрашенную и взвешенную характеристику русского национального менталитета, учитывающую как его сильные, так и слабые стороны.

Важное методологическое значение в работе принадлежит также принципу относительности, согласно которому черты менталитета народов носят общечеловеческий характер, не могут быть жестко привязаны к одному народу, и поэтому речь может идти лишь о степени выраженности и своеобразных особенностях проявления общечеловеческих ментальных свойств у различных народов. Поэтому исследование русского национального менталитета имеет не только локальное узконациональное, но и общечеловеческое значение, так как через анализ особенностей русского менталитета можно глубже понять всеобщее – менталитет как сущностную характеристику наций, которые выступают активными субъектами исторического процесса. Тем самым понятие “национальный менталитет” приобретает статус самостоятельной категории современной социальной философии, обладающей важным научным и эвристическим потенциалом.

Теоретическим источниковедческим базисом исследования является, прежде всего, творческое наследие русской философии. В русской философии присутствует много тем, которые заслуживают внимания в современных условиях. Однако в современных историко-философских трудах, посвященных русской философии, упускается из виду одно из ключевых направлений теоретических изысканий русских философов – проблема своеобразия и сущности русского национального менталитета. Русская философия, о чем не следует забывать, представляет собой метафизический уровень национального самосознания, который дает толкование глубинных субстанциональных основ национального менталитета. Проблема сущности и своеобразия менталитета русского народа проходит красной нитью через всю историю русской философии: она присутствует у славянофилов (И.С. Аксаков, К.С. Аксаков, И.В. Киреевский, Ю.Ф. Самарин, А.С. Хомяков и др.) и западников (В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.А. Добролюбов, П.Я. Чаадаев, Н.Г. Чернышевский и др.), является одной из ключевых в творчестве Ф.М. Достоевского, представителей серебряного века русской философии, философов послеоктябрьского русского зарубежья. Внимательное герменевтическое прочтение творческого наследия русских философов, через призму их пристального интереса к национальной проблематике, является теоретико-методологическим ключом к объяснению сущности и своеобразия русского национального менталитета, а вместе с тем, специфики исторической судьбы России и русского народа.

Научная новизна исследования и положения, выносимые на защиту. В диссертации разработана современная социально-философская концепция детерминации и сущности русского национального менталитета. Основные результаты исследования, определяющие его новизну и выносимые на защиту, заключаются в следующем:

1. Национальный менталитет впервые исследуется как диалектическое единство сущности и явления, где сущность есть этнически окрашенные коллективные представления о мире, доминирующие у членов нации, а явление – особенности деятельности народа, а также их отражение в продуктах материальной и духовной культуры. Такое понимание позволяет по-новому взглянуть на проблему национального менталитета как на органическое единство субъективной и объективной стороны жизнедеятельности наций. Как сущность национальный менталитет – это внутренняя, субъективная сторона жизнедеятельности нации в виде самой стабильной части (ядра) национальной психологии, а как явление он есть объективация этой сущности в деятельности народа и в ее результатах. Изучение внешних форм проявления национального менталитета (фольклора, обычаев, поведения людей и т.д.) дает возможность приблизиться к пониманию его скрытого внутреннего смысла, что соответствует диалектическому принципу движения мысли от явления к сущности в процессе познания предметов.

2. Обосновывается идея менталитета как смыслового фокуса цивилизаций, под которыми в работе понимаются культурно-исторические типы общества. Вслед за О. Шпенглером внутренней сущностью цивилизации как культурно-исторического типа считается душа культуры, т.е., в соответствии с современной терминологией, менталитет. Поскольку существует самостоятельная российская цивилизация, то именно русский менталитет во многом определяет ее глубинный внутренний смысл. В результате такого подхода осуществляется гуманизация российской истории, которая предстает не только как арена столкновения близких экономических и классовых интересов, но и как результат проявления творческой роли внутренних душевных потенций – менталитета русского народа.

3. Проблема сущности нации, а также источников детерминации национального менталитета рассмотрена через призму четырех способов философствования (натурализма, теоцентризма, социоцентризма, антропоцентризма), что углубляет и обновляет теорию наций, а также усиливает методологическое значение социальной философии для этносоциальных наук. Применительно к русскому менталитету это положение анализируется посредством трех способов философствования (натурализма, социоцентризма, теоцентризма). Такое ограничение обусловлено задачами данного исследования. Тем самым устанавливается корреляционная зависимость русского менталитета от особенностей природной среды, социальной и религиозно-духовной жизни, дается системное представление о постоянно действующих причинах, воспроизводящих его специфическую сущность.

4. Прослеживается эволюция научных и философских взглядов на национальный менталитет, что позволяет выделить основные вехи в их развитии, а также привести дополнительные аргументы в пользу мнения о национальном менталитете как о современной трактовке проблемы, которая в предшествующий период анализировалась через использование понятий “дух народа”, “душа народа”, “национальный характер”. Применение в современной науке, включая социальную философию, категории “национальный менталитет” расширяет ее познавательные, методологические и эвристические возможности.

5. Осуществляется целостный анализ творчества отечественных философов по проблеме русского менталитета и на основе диалектического снятия осуществляется синтез результатов этого творчества, что выливается в создание современной интегральной социально-философской концепции национального менталитета, адекватно и достаточно исчерпывающе отражающей его реальное внутреннее содержание. Обращаем специальное внимание на то, что диссертация представляет собой не механическое суммирование взглядов русских мыслителей на национальный менталитет, а именно диалектический синтез этих взглядов с учетом реалий современного российского бытия, подтверждающих высказываемые в работе суждения.

6. Проводится идея многокачественности сущности русского национального менталитета, в соответствии с которой выделяются его следующие основные сущностные качества: 1) парадоксальность ментальных проявлений, 2) безмерность жизненного порыва, 3) стремление к абсолютным ценностям, 4) созерцание сердцем, 5) национальная стойкость, 6) любовь к свободе, 7) “мы” - психология, 8) всечеловеческая толерантность. В комплексном сочетании указанных качеств русский менталитет исследуется впервые. Эти основные качества в их целостной совокупности составляют своеобразную внутреннюю “картину мира” русского менталитета. Все они находятся в глубокой диалектической взаимосвязи, и каждое из них может быть взято за самостоятельную точку отсчета при исследовании национальных особенностей русского менталитета.

7. Национальный менталитет рассматривается в качестве своеобразного внутреннего кода российского социума, который обеспечивает преемственность исторического развития России и во многом программирует специфику ее судьбы и культуры. Данная идея реализуется на основе демонстрации социально-культурных проявлений русского менталитета в различных областях российской действительности.

Научно-практическое значение работы. Положения и выводы, полученные в результате диссертационного исследования, могут быть ис-

пользованы в качестве теоретико-методологической и источниковедческой базы в тех общественных и гуманитарных науках, которые ставят проблему российского менталитета (социальная философия, социология, экономика, теория менеджмента, история, культурология, этнология, социальная психология, политология, педагогика, юриспруденция и др.).

Результаты исследования могут применяться в преподавательской практике, в духовно-нравственном и патриотическом воспитании студенческой молодежи. Сам автор использовал теоретические положения диссертации в процессе преподавания учебных дисциплин “Философия”, “Психология и педагогика”, “Социология” в ряде вузов г. Ижевска, а также в просветительской работе среди населения Удмуртской республики.

Апробация основных идей исследования. Основные положения и результаты исследования представлены автором в четырех монографиях, научных статьях, других материалах, опубликованных в сборниках научных трудов, методических изданиях. Общий объем публикаций автора по теме диссертации составляет более 40 печатных листов.

Положения и основные идеи диссертации обсуждались на семинаре докторантов ИППК при Уральском государственном университете (Екатеринбург, 1996, 1998, 1999, 2000); на Всероссийских конференциях “Судьба России” (Екатеринбург, 1994, 1996, 1998, 2000); на Второй Российской университетско-академической научно-практической конференции (Ижевск, 1995); на международной научно-практической конференции “Народы России: возрождение и взаимодействие культур” (Уфа, 1996); на научно-практической конференции “Уральская философская школа и ее вклад в развитие современной философии” (Екатеринбург, 1996); на традиционной (IV) Всероссийской конференции с международным участием “Женщины и общество: вопросы теории, методологии и социальных исследований” (Ижевск, 1998); на Российской научной конференции “Человек в истории: теория, методология, практика” (Челябинск, 1998); на научно-практической конференции, проведенной Гуманитарным университетом “Экономическая, правовая и духовная культура России на рубеже тысячелетий” (Екатеринбург, 1999); на Втором Российском философском конгрессе “XXI век: будущее России в философском измерении” (Екатеринбург, 1999); на конференции “История церкви: изучение и преподавание”, посвященной 2000-летию христианства (Екатеринбург, 1999) и на других конференциях.

Диссертация обсуждалась на кафедре философии и культурологии Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при Уральском государственном университете и была рекомендована к защите.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка, включающего 397 источников. Общий объем диссертации – 286 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, дается обзор литературы, определяются основные цели и задачи, а также методологические принципы и источниковедческая база диссертации, характеризуется научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

Глава I **“Национальный менталитет как социально-философская проблема”** посвящена характеристике категории “нация”, эволюции взглядов на национальный менталитет в науке, а также современному состоянию проблемы.

В первом параграфе **“Нация” как категория социальной философии** исследуется этнический парадокс современности и обосновывается социально-философский подход к теоретическому исследованию проблемы сущности нации.

Этнический парадокс современности отражает две разнонаправленные тенденции мирового развития: 1) тенденцию глобализации; 2) тенденцию национального возрождения, состоящую в резком повышении значения национального фактора в общественных процессах, что имеет следствием рост научного интереса к проблеме наций и национальных отношений. Теория наций носит междисциплинарный и пограничный характер, являясь объектом интереса этнографии, социологии, социальной психологии, политологии и других наук. Социальная философия призвана играть для этносоциальных наук мировоззренческую и методологическую роль. Ее задача состоит в комплексной характеристике причин национального возрождения и определении категориального статуса нации на основе проверенного тысячелетней практикой философствования метода познания – анализа действительности через призму ее противоречивой сущности, а также учета диалектики объективного и субъективного, материального и идеального.

Объективные причины национального возрождения обусловлены, прежде всего, возросшей конкуренцией между нациями и группами наций за ограниченные природные ресурсы, что обостряет два вида глобальных противоречий: а) противоречия по линии “Север-Юг”, реализующиеся как противоречия между развитыми и развивающимися странами; б) противоречия по линии “Восток-Запад”, реализующиеся как противоречия между

цивилизациями. Субъективные причины связаны с психологическими и духовными состояниями современного человека, живущего в условиях возрастающей нестабильности окружающего мира, вследствие чего уменьшается социальный оптимизм. Человек ищет опору в неустойчивом и перенасыщенном информацией мире и находит ее в вековых и стабильных национальных ценностях. Особое значение субъективные причины приобретают в условиях радикальных социальных преобразований, усиливающих незащищенность отдельной личности.

При исследовании сущности нации критикуется этнонигилизм (В.А. Тишков), отрицающий объективность наций и объявляющий их чисто умозрительными конструкциями, а также скептицизм (Н.А. Бердяев), признающий реальное существование наций, но отрицающий возможность их рационального познания. Автор обосновывает идею реального социального бытия наций и возможность их адекватного научного познания. Впервые в литературе научные подходы к пониманию наций анализируются через призму четырех способов философствования: 1) натурализм рассматривает нации как продукт подспудных природных сил (В. Козлов); 2) теоцентризм исходит из идеи нации как творения Бога (митрополит Иоанн); 3) социоцентризм полагает нации результатом влияния экономических или политических факторов (К. Маркс, Х. Ортега-и-Гассет); 4) антропоцентризм считает национально-этнические общности психологическими образованиями и отводит решающее значение в их существовании этническому самосознанию (Т.Г. Стефаненко). В работе признаются достоинства перечисленных подходов и одновременно преодолевается ограниченность каждого из них, что достигается посредством анализа наций в качестве диалектического единства материальной и духовной сторон, как сложных объектно-субъектных феноменов, включающих природные, духовные, социальные, психологические составляющие.

Для предметного обоснования данной позиции проводится сравнение понятий “этнос” и “нация”. Этнос понимается как исторически сложившаяся на определенной территории социально-природная общность (Ю.П. Андреев), которой присуще относительно стабильное единство языка, материальной и духовной культуры, психологии и самосознания. При этом самыми устойчивыми признаками являются культура, психология и самосознание, которые рассматриваются автором в качестве этнообразующего ядра. Нация, в отличие от этноса, есть социальная общность, где этническое составляет лишь одну из сторон, а другую представляют собственно социальные качества, прежде всего общность экономической жизни и наличие политических институтов, обеспечивающих определенную степень государственного суверенитета. Нация – это сложный этносоциаль-

ный организм, характеризующийся общностью происхождения, экономической и государственно-политической жизни, а также общностью языка, материальной и духовной культуры, национальной психологии и национального самосознания. В структуре нации социальное образует релятивную сторону, а этническое обладает большей устойчивостью и консерватизмом, что делает возможным сохранение нацией своей идентичности в условиях смены социально-экономических отношений.

Важным атрибутом нации является национальная психология, стабильное ядро которой – национальный менталитет – исследуется автором в социально-философском аспекте.

Во втором параграфе **“Проблема менталитета народов в истории философии и этнопсихологии”** рассматривается эволюция воззрений на менталитет народов от античности до начала XX в.

В античности и средние века изучение этноментальных различий носит преимущественно описательный характер. Так, Геродот рассказывает о специфических особенностях греков и народов, с которыми они соприкасались, повествует о богах, обычаях, обрядах и нравах различных народов, не забывая при этом об особенностях черт их менталитета. Он сравнивает народы и объясняет этноментальные различия особенностями природной среды и образом жизнедеятельности.

Научный подход к национальному менталитету, полагает автор, начинает проследиваться лишь в Новое время, что является реакцией на процесс образования европейских наций в эпоху капитализма. Различия в менталитете народов становятся объектом специального анализа со стороны философов и ученых.

Французский просветитель Ш. Монтескье вводит в оборот понятие “дух народа”, решая вопрос о его обусловленности с позиции географического детерминизма. Первостепенная роль отводится климату, влияющему на дух народа не только непосредственно, но и опосредованно. Благодаря климату и почвам складываются обычаи и традиции, влияющие, в свою очередь, на ментальные свойства народов. В философии Нового времени рассматриваются и другие факторы формирования национального менталитета: К. Гельвеций решающее значение придает формам правления, а Д. Юм важную роль в формировании народного характера отводит стремлению людей к объединению в социальные группы в соответствии с потребностями экономики, обороны и управления. И.Г. Гердер, отождествляющий понятия “душа народа”, “народный характер”, “дух народа”, подчеркивает их зависимость не только от климата и ландшафта, но и от влияния образа жизни, воспитания, политического строя и этнической истории. Народный дух, представляющий прирожденный характер народа, является

движущей силой исторического развития нации. Он образует основу общества, одухотворяет культуру и находит свое выражение в языке, обычаях, ценностях и традициях. Для понимания особенностей менталитета конкретного народа И.Г. Гердер призывает изучать его фольклор, ибо мир фантазии, выраженный в нем, отражает народный дух наилучшим образом.

Понятия “дух расы” и “дух народа” употребляются Г. Гегелем. Дух расы есть результат распада человечества на отдельные сообщества в зависимости от природно-климатических условий. Расы распадаются на народные духи, различающиеся образом жизни, формами тела, но особенно интеллектуальными и нравственными способностями. Важными причинами этноментальных различий являются географические факторы и религиозное влияние. Так, христианство формирует у исповедующих его народов сосредоточенность на своем внутреннем мире, уверенность в себе субъективность. Следуя диалектическому принципу противоречия, Г. Гегель выделяет у народов (французов, англичан, немцев) как сильные, так и слабые черты менталитета.

Один из основателей социальной психологии Г. Лебон определяет душу народа как совокупность моральных и интеллектуальных особенностей, как синтез его прошлого и наследство всех его предков, и, что самое важное, как общие чувства, общие интересы и общие верования. Причинами, определяющими специфику души народа, объявляются наследственность, семейное влияние, влияние социальной среды, причем последняя причина играет наименьшую роль, а приоритет отдается влиянию предков, т.е. биологической наследственности. Автор выражает несогласие с этой посылкой Г. Лебона, считая что нацию объединяет не столько кровь предков, сколько общая судьба, историческая память, единые духовные ценности. В то же время заслуживают внимания рассуждения Г. Лебона о неодинаковости душевных дарований различных народов, поскольку одни лучше проявляют себя в искусстве, другие – в государственном строительстве, третьи – в промышленной деятельности. Представляют интерес суждения Г. Лебона о решающем влиянии менталитета народа на его историческую судьбу, так как в конечном счете жизнь народа, его учреждения, его верования и его искусство суть только видимые продукты его невидимой души.

Основатель экспериментальной психологии В. Вундт считает, что душа народа – реально существующее образование и поэтому является столь же приемлемым и необходимым объектом исследования, как и индивидуальная душа. Содержание души народа составляют общие представления, чувствования и стремления. Внешними формами проявления внутреннего содержания души народа являются язык, мифы и обычаи. Язык

содержит в себе общую форму присутствующих в душе народа коллективных представлений, мифы таят в себе первичное чувственное содержание этих представлений, а обычаи являют собой возникающие на основе коллективных представлений и чувствований общие направления воли, т.е. общепринятые образцы поведения. В. Вундт не абсолютизирует, подобно Г. Лебону, роль менталитета народа в историческом процессе, но призывает обязательно учитывать идеальную составляющую истории, поскольку психические силы, наряду с влиянием природы, играют значительную роль в историческом процессе.

Русский философ и этнопсихолог Г.Г. Шпет, уравнивающий термины “дух”, “характер”, “душа” народа, считает, что душа народа представляет собой сходство переживаний и действий, составляющих данный народ индивидов; это коллективный репрезентант многих индивидов в виде сходных реакций индивидов на сходные условия жизни. Душа народа как специфический тип коллективности, носителями которого являются индивидуальны души, является результатом влияния природных и социальных факторов, а также творимой людьми духовной культуры.

Таким образом, к началу XX в. социально-гуманитарные науки накопили в области исследования национального менталитета богатый фактический и теоретический материал, ставший основой его современных научных интерпретаций.

В третьем параграфе **“Менталитет нации в свете современных социально-гуманитарных наук”** дается критический анализ современных трактовок и предлагается авторская концепция социально-философского смысла национального менталитета.

Согласно позиции автора, разделяемой некоторыми другими исследователями в области менталитета (И.Г. Дубов, Е.А. Ануфриев, Л.В. Лесная, А.А. Веремьев), понятия “дух народа”, “душа народа”, “национальный характер”, “национальный менталитет” используются для описания родственных аспектов в жизни этносов и наций. Поэтому мы полагаем, что они могут считаться синонимами. В современной науке чаще используются понятия “национальный характер” и “национальный менталитет” вследствие их большей категориальной строгости.

В работе критически оценивается объявление Л.Н. Гумилевым национального характера мифом и аргументируется позиция, разделяемая другими авторами (В. Вышеславцев, Г. Гачев, А.И. Солженицын), о национальном характере как о труднодостижимом, но реально существующем феномене. Подходы, признающие реальность национального характера, подразделяются на две основные группы: 1) личностно-психологическая трактовка, связывающая национальный характер с набором качеств,

свойственных индивидам, представляющим народ; 2) культурно-нормативная трактовка, считающая национальный характер достоянием культуры и отрицающая его наличие у личностей, представляющих народ. Автор отстаивает идею взаимодополняемости указанных трактовок. Конечно, для понимания национального характера необходимо изучение особенностей культуры, истории и общественного строя народа, однако это не отрицает присутствия национального характера в душевном мире личности. Отношение личности и нации есть частный случай диалектики единичного и общего. Хотя личность есть неповторимый индивидуум, в ней есть свойства, общие с другими представителями народа. Национальный характер в душе личности нельзя абсолютизировать, но ненаучно и игнорировать его в жизнедеятельности конкретной личности. Следовательно, национальный характер является достоянием не только экстериторной – внешней для личности культуры, но и свойством интриторной культуры, ставшей, в процессе социализации, гранью душевного мира личности.

Анализ взглядов Г.М. Андреевой, рассматривающей национальный характер в качестве ядра и наиболее устойчивой части национальной психологии; учения Э. Фромма о социальном характере как промежуточном звене между социально-экономической структурой и господствующими в обществе идеями и идеалами; концепции А. Кардинера о базовой личности как основной личностной структуре, формируемой данной культурой; идеи А. Инкельса и Д. Левинсона о модальной личности как о чаще всего встречающемся в рамках нации типе личности приводит автора к формулировке самостоятельной концепции национального характера. Национальный характер – это доминирующие у членов определенной национально-этнической группы коллективные представления (стремления, чувствования, установки, схемы мышления), которые соответствуют базовым социокультурным ценностям и находят внешнее проявление в особенностях поведения людей, культуре и социальных институтах.

Национальный характер образует сложное диалектическое единство сущности и явления. В нем можно выделить три основных структурных уровня: 1) интриторный уровень, включающий коллективные национальные представления; 2) уровень трансформирования этих представлений в особенности поведения и деятельности индивидов; 3) уровень объективации (опредмечивания) результатов деятельности в продуктах культуры и в социальных институтах. Первый уровень относится к глубинной внутренней сущности национального характера; второй и третий уровни относятся к области явления национального характера, т.е. его внешнего обнаружения в особенностях деятельности народов и в специфических продуктах этой деятельности.

Положения, высказанные применительно к национальному характеру, относятся и к национальному менталитету, ибо он является современной научной интерпретацией проблемы национального характера (души народа, духа народа). Использование понятия “менталитет” позволяет гуманизировать историю, давая не только материально-экономическое, но и духовно-психологическое объяснение социальных процессов. Анализ взглядов М. Вовеля, Г.В. Гетца, А.Я. Гуревича, И.Г. Дубова, Ж. Дюби, В.В. Козловского, Ж. Ле Гоффа, В.И. Плотникова, Ж. Ревеля, Л.А. Шумихиной позволяет автору дать самостоятельное определение национального менталитета. Национальный менталитет есть присущая национальной общности стабильная совокупность иррациональных и рациональных особенностей коллективных представлений о мире, специфический склад мышления, чувств, верований, установок, которые опредмечиваются в материальной и духовной культуре, а также в особенностях функционирования и организации социальных институтов. В структуре национального менталитета выделяется сущность, т.е. внутренние, глубинные, нередко потаенные коллективные представления, установки, мыслительные и эмоциональные конструкции, а также явление, т.е. внешнее обнаружение внутренних свойств менталитета в особенностях поведенческих реакций этнофоров, в специфике организации социальной и политической жизни, а также в несущих национальную окраску продуктах материальной и духовной культуры.

Основные детерминанты, определяющие своеобразие национальных менталитетов, впервые интерпретируются через призму четырех способов философствования: а) натурализм признает решающую роль географического фактора (Ш. Монтескье) и биологической наследственности (О. Бауэр); б) социоцентризм говорит о решающей роли социально-экономических факторов (Ф. Энгельс, П.И. Гнатенко); в) теоцентризм абсолютизирует роль религии (П.Я. Чаадаев); г) антропоцентризм отводит решающую роль особенностям национальной системы воспитания и социализации детей в семье (Дж. Горер, Э. Эриксон). Автор считает данные подходы в оценке детерминант менталитета не столько исключаящими, сколько дополняющими друг друга, что реализуется при исследовании истоков русского национального менталитета.

Национальный менталитет является комплексной и пограничной научной проблемой. Социальная философия выступает методологическим и общетеоретическим средством в ее исследовании, осуществляет наиболее абстрактный научный анализ сущности менталитета, решает вопрос о глубинных причинах, лежащих в основе ментальных различий народов и вы-

деляет основные направления возможных социально-культурных проявлений национального менталитета.

Глава II **“Истоки русского национального менталитета”** раскрывает через призму трех способов философствования (натурализма, социоцентризма и теоцентризма) причины, оказавшие решающее влияние на становление русского менталитета. Натуралистический и социоцентрический подходы дают представление о материальной, а теоцентрический подход – о духовной детерминации русского менталитета. Социально-философская направленность исследования истоков русского менталитета проявляется также в их характеристике с учетом цивилизационного подхода.

В первом параграфе **“Цивилизационные предпосылки самобытности русского менталитета и влияние на него природной среды”** рассматривается сущность цивилизационного подхода к историческому процессу, цивилизационный статус России и вопрос о природно-географических условиях формирования русского менталитета.

Автор обосновывает идею о цивилизациях как о локальных социокультурных системах, представляющих собой самый широкий уровень культурной идентичности людей, что соответствует взгляду части современных ученых (С. Хантингтон, И.И. Ионов), а также пафосу размышлений предтеч цивилизационного подхода (Н.Я. Данилевский, А. Тойнби, О. Шпенглер). При решении вопроса о системообразующем цивилизационном качестве разбираются подходы Н.Я. Данилевского, А. Тойнби, но в конечном итоге выбор делается в пользу менталитета как концентрации и фокусировке цивилизационных различий. Такой взгляд близок концепции О. Шпенглера, ибо, когда тот говорит о “душе”, “мирочувствовании” как внутренней сущности культуры, то имеет в виду именно менталитет. Следовательно, цивилизации – это такие локальные культурно-исторические типы общества, смысловым фокусом которых является менталитет.

При определении цивилизационного статуса России дается критическая оценка редуccionизма А.С. Ахиезера, сводящего многообразие цивилизаций к двум основным типам: западной (либеральной) и восточной (традиционной) и пытающегося уложить Россию в прокрустово ложе западной или восточной цивилизации. Опираясь на работы зарубежных и отечественных ученых (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, А. Тойнби, Н.С. Трубецкой, С. Хантингтон), автор делает вывод о самостоятельной российской цивилизации, так как цивилизации могут представлять не только несколько, но и одну нацию – государство, что имеет место в отношении китайской, индийской, японской и российской цивилизаций. Поскольку российская цивилизация, несмотря на полиэтничность, формиру-

ется как продукт творчества прежде всего русского народа, то для понимания ее субстанциональной сущности необходим анализ специфики русского менталитета.

Цивилизационные различия стимулируются своеобразием ответов, которые предлагают народы на вызовы истории. Исходный вызов, на который отвечает русский народ, связан с природной средой. Природа – это материнское ложе, определяющее судьбу народа и воспитывающее его менталитет. Русский народ живет на бескрайней равнине северной части Европы и Азии в условиях сурового и малоблагоприятного для экономической деятельности климата. На протяжении веков он ведет бескомпромиссную борьбу за существование, решая вопрос о том, как выжить и самосохранить себя в качестве самостоятельного цивилизационного образования. Русский народ подсознательно чувствует эти природные ограничения и вырабатывает в менталитете привычку к самоограничению потребностей, умение стойко и безропотно переносить материальные лишения.

Кратковременность сельскохозяйственной поры, а также резкие колебания континентального климата обуславливают ритмический характер грудолубия, который несведущий человек воспринимает за лень. В.О. Ключевский отмечает, что ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, но нигде в Европе не найдется такой, как у русских непривычки к ровному, умеренному и размеренному труду. С влиянием климата связано и знаменитое русское “авось”, проявляющееся в безрассудности и иррациональной беззаботности о будущем. Природа часто “смеется” (В.О. Ключевский) над самыми осторожными и скромными ожиданиями русского человека, что склоняет его противопоставлять капризу природы каприз собственной судьбы. Но даже это, казалось бы отрицательное ментальное свойство, может иметь свои достоинства, например, в творческой деятельности, где важна незапрограммированность мышления и вера в благоприятный исход дела.

Необъятный и довольно однообразный ландшафт, многомесячная зима, короткое непредсказуемое лето, долгая осень с затяжными дождями, хмурое северное небо влияют на эмоционально-чувственную направленность русского менталитета, определяя, по мнению автора, преобладание у русских минорного душевного настроения. Социально-культурным проявлением минорной направленности менталитета можно считать рассуждения В.Г. Белинского о грусти как об общем и ведущем мотиве народных песен и поэзии. Правда, русская грусть свидетельствует не о слабости немощного духа, а о могучей, великой и благородной натуре.

Территориальная необъятность России становится отправной точкой формирования многих черт русского менталитета. Именно из пространст-

венной координаты Н.А. Бердяев выводит безграничность, бесформенность, широту русской души. При этом безграничность пространства оказывает противоречивое воздействие на национальный менталитет: широта, удаль, щедрость, свободолюбие – на одной стороне; расточительство, разгул, беспечность, бесшабашность, слабая самодисциплина и слабо развитое чувство личной ответственности – на другой. Самое важное следствие влияния бесконечности российского пространства на менталитет заключается в формировании русского оттенка свободолюбия. Владая огромными территориями, русский народ имеет такую степень реальной свободы, о которой не могут мечтать многие другие народы, сдавленные тесным географическим пространством. Однако свобода в русской интерпретации воспринимаются как вольница и вседозволенность, что проистекает во многом из пространственной координаты. Воля – таково русское определение свободы; свобода – это воля, соединенная с простором, с неограниченным ничем пространством.

Во втором параграфе **“Геополитические и этнические корни русского национального менталитета”** раскрываются социально-природные детерминанты русского менталитета, ибо геополитика и этнос представляют собой сплав социального и природного.

Геополитический фактор определяется нахождением России на великой евразийской равнине, в результате чего она выполняет геостратегическую роль, связанную с поддержанием мирового равновесия. Равнинный характер рельефа делает страну уязвимой для иностранных нашествий, и поэтому война становится для русских перманентной необходимостью. Столетия военных действий закаляют в менталитете народа данные ему от природы выносливость, неприхотливость, стойкость, самопожертвование. Именно в экстремальных условиях войны народ проявляет высокие образцы нравственности, поскольку война как некий магический кристалл высвечивает не только пороки общества, но и лучшие свойства русского менталитета. И.А. Ильин придает смертельной опасности на войне роль отрезвляющей и обновляющей духовно-нравственной силы.

Геополитическая специфика обуславливает многонациональный состав населения и делает Россию своеобразной моделью мира, где сосуществуют более ста народов, представляющих различные религиозные конфессии и этнические группы. Русские вырабатывают в своем менталитете особый тип отношения к другим народам, основанный на комплементарности и уважении к ним, ибо народ с чрезмерным этноцентризмом имел мало шансов занять ключевые позиции на евразийском пространстве. Подтверждение русской комплементарности можно увидеть в факте добровольного вхождения в Россию целого ряда народов. Благожелательное и

уважительное отношение к иноплеменникам – не пропагандистская выдумка, а историческая реальность, подтвержденная многовековой жизнью российских народов в едином государстве.

Русский народ относится к числу суперэтносов, которые складываются на полиэтнической основе в результате межплеменного смешения. Как суперэтнос он представляет собой сложное полиэтническое образование, вобравшее в себя прежде всего славянские, финно-угорские и тюркские корни. Историческим ядром великорусского типа менталитета выступает славянское начало. Позднеантичные и средневековые авторы (Маврикий Стратег, Ибн-Даста) определяющей чертой менталитета восточных славян считают любовь к свободе, а также выносливость, щедрость и гостеприимство, не забывая и о таких нелицеприятных свойствах, как склонность к раздорам и отсутствие единомыслия среди соплеменников. И.Г. Гердер отмечает выдающуюся роль славян в истории человечества и пишет об их милосердии, любви к свободе, гостеприимстве до расточительности, послушности и покорности.

Начавшееся в XIII в. распадение древнерусского народа на три ветви (великороссов, малороссов, белорусов) имеет результатом то, что великороссы связывают свою судьбу с территориями, лежащими вне пределов коренной Руси. С этого времени усиливается фактор межплеменного смешения. Решающее значение при этом имели межэтнические контакты с финно-угорскими и тюркскими народами. Межплеменное смешение заметно в языке, в быту, в хозяйственной жизни, в суевериях и культуре. Его эффект настолько велик, что происходит некоторое видоизменение антропологического типа, в котором, наряду с доминирующими славянскими чертами, обнаруживаются финно-угорские и тюркские черты.

Автор критикует односторонность приписывания татаро-монгольскому влиянию исключительно негативных следствий, в результате чего неприглядные черты русского образа жизни и менталитета (деспотизм, насилие, рабство) объявляются результатом отравленности татарщиной (А.С. Поликарпов). Более взвешенной в этом плане является позиция И.А. Ильина и особенно Н.С. Трубецкого, которые говорят о неоднозначности татаро-монгольского влияния на русский менталитет. С одной стороны, продолжительное иго имеет следствием своего рода “психологическую травму” в народной душе и порождает такие черты, как склонность к мятежу и разбою, неразвитое правосознание, подлое низкопоклонство и заискивание перед татарами, неуважение к частной собственности; с другой стороны – воспитывает такие сильные свойства менталитета, как неистощимое терпение и стойкость, пронизательность, способность вынести низкий уровень жизни и при этом не падать духом, искусство самопожертво-

вания и безрассудной самоотдачи, удивительную покладистость и гибкость, наследственную отвагу, в поколениях выработанное искусство оборонительной войны. Н.С. Трубецкой даже заявляет о необходимости для русских, гордиться своими "туранскими" предками. С тюркским влиянием связаны присущие допетровский Руси устойчивость, равновесие и упрямый консерватизм, столь необходимые для государственного строительства. На почве Московской Руси происходит освящение и оправославливание туранской по своему происхождению государственной идеи, несущей на себе отпечаток не только византийского, но и тюркского влияния.

В третьем параграфе **“Авторитарная государственность и община как социальные детерминанты русского национального менталитета”** с позиции социоцентризма рассматривается влияние на русский менталитет наиболее важных в условиях России социальных организаций.

Данными своей истории русский народ поставлен перед необходимостью объединения в рамках жестко централизованного, с авторитарными методами правления государства. К этому подталкивают равнинность и природная незащищенность внешних рубежей, гигантские пространства, многоэтничный состав населения, малая населенность, а также, что важно подчеркнуть, склонность народа к анархии. Русский народ нуждается в сдерживающем и социально-организующем начале, ибо самодисциплина и самоорганизация в слабой степени выражены у русских и являются их ахиллесовой пятой. Н.А. Бердяев замечает, что гений формы – не русский гений, поскольку он с трудом совмещается с властью пространства над русской душой. Русский народ в своей истории проверяет различные политические режимы, но в конечном итоге делает выбор в пользу авторитарной власти. Авторитаризм и централизация являются не только результатом амбиций политических лидеров, но и объективной исторической закономерностью.

Создание мощной державы облегчается такими свойствами народного менталитета, как неприхотливость, терпение, стойкость, материальная непритязательность, а также искренней и религиозной по своей сути верой в особую историческую миссию России. Русский народ устроен так, что свои лучшие ментальные свойства он проявляет при наличии высокой идеи, за которую можно пострадать и даже отдать жизнь. Мессианская идея о спасении мира русскими помогает идти на невиданные для других народов лишения и жертвы. Строительство великой державы не только закаляет, но и иссушает народную душу, ибо ценой за это становятся гражданские и политические свободы. Народ поступает своей свободой в пользу созданной им авторитарной государственной машины. А.И. Герцен, признавая необходимость централизации и самодержавия, говорит, что

Москва спасла Россию, задушив все, что было свободное в русской жизни. В результате такой неоднозначной роли авторитарного государства в русском менталитете вызревает амбивалентное отношение к нему, включающее не только почитание институтов государственной власти, но и перманентную установку на нарушение государственно-правовых норм.

Державный инстинкт находит воплощение в персонифицированном отношении к источнику власти. В менталитете складывается представление, что верховной и единственной инстанцией, обеспечивающей власть и порядок, является царь (император, генеральный секретарь, президент). Происходит отождествление царской власти и государства, поскольку именно царь воплощает государство. Он есть само государство – благотворное, идеальное, но вместе с тем и грозное его воплощение (К.Д. Кавелин). Отсюда идут царистские наклонности русского менталитета, неизбывная вера в царя-батюшку (доброе барина, мудрого вождя и т.д.). Тайна власти царской идеи коренится в том, что государственная судьба русского народа совпадает с судьбой авторитарной власти. Всякий раз, когда после социальных катаклизмов приходится восстанавливать государственность, русский народ начинает этот процесс с восстановления авторитарной власти (царской, императорской, большевистской, президентской). Наряду с почитанием государства в народном менталитете присутствует и иная установка – недоверие к государству и неприятие несправедливых действий власти, а такие действия сопровождают всю отечественную историю, ибо в России главным эксплуататором народа выступает именно государство. Поэтому в менталитете народа, географически и этнически склонному к своеволию, всегда тлеет анархическое стремление к бунту против собственного государства. Совсем не случайно главные мировые теоретики анархистской идеологии – А.А. Бакунин и П.А. Кропоткин – вырастают из русской почвы.

Социальным институтом, оказывающим непосредственное влияние на русский менталитет, выступает община. Оценки ее роли и в настоящее время диаметрально противоположны: от объявления общины реакционным инструментом эксплуатации (В. Селюнин) до характеристики в качестве огромного национального достояния (О.А. Платонов). Автор полагает, что общинный уклад жизни – достояние не только далекого прошлого, но и факт современной истории, ибо он сохраняет свое значение и в XX в. А.А. Зиновьев, исследуя природу коммунистического строя в Советской России, видит его сущность в наличии социальной клеточки, выступавшей в форме деловых многообразных ячеек. Их деятельность подчинялась общинным принципам, что проявлялось во всесторонней зависимости индивидов от них. Таким образом, на вызовы природы и истории русский народ

отвечает образованием общины, многократно увеличивающей возможности сохранения его ментального своеобразия.

Общинный уклад влияет на специфику русского свободолюбия. С одной стороны, русский народ, слабо знакомый с принципами представительной демократии, благодаря общинному самоуправлению, участвует в осуществлении принципов непосредственной демократии, реализуя тем самым свое свободолюбие. С другой стороны, община не принимает свободу как произвол и вседозволенность, сдерживая присущие русским своеволие и анархистские наклонности. Свобода “без берегов” губительна для русских, и даже демократ В.Г. Белинский предупреждает о том, что чрезмерная свобода погубит Россию.

Общинная солидарная ответственность людей, а также периодические переделы земли влияют на представление о справедливости, понимаемой как изначальное социальное равенство, коренящееся в равных правах на землю, ибо земля – от Бога. Каждый индивид получает право на скромное, но достойное человека существование. Хотя общинное равенство не означает полного торжества уравниловки, в русской деревне отсутствует пропасть между бедностью и богатством. Задолго до того как идеи нестяжательства провозглашаются Н. Сорским, они укореняются в народном менталитете в виде нравственного одобрения пусть и скромного, но праведного достатка и в осуждении чрезмерного и несправедливого богатства.

Община прививает человеку специфическое понимание смысла жизни, связанное со служением “миру”. Осуществляя строжайший социальный контроль, она сдерживает остроту проявления в менталитете своеволия, страсти к разгульной жизни и одновременно поощряет честность, бескорыстность, скромность, совестливость, уважительное отношение к старшим и власти. Не отрицая полностью личную свободу, община тем не менее сковывает индивидуальную инициативу и закрепляет такие черты менталитета, как беспечность, иррациональную беззаботность о завтрашнем дне, индивидуальную неорганизованность.

В четвертом параграфе **“Роль православия в становлении русского народа и его менталитета”** с позиции теоцентризма раскрывается духовная детерминация русского менталитета, в связи с чем анализируются значение православного самоопределения, феномен двосверия, православный культ и православный религиозно-духовный акт.

Религия есть духовный фермент, катализирующий процесс этногенеза. На исходе X в. в купель святого крещения вошли разнородные племена славян, а вышел из купели – русский народ (митрополит Иоанн). Православие играет для русского менталитета роль духовной субстанции, проходящей без изменений через все фазы народной истории. Оно приобщает

русский народ к всечеловеческим ценностям христианства, что облегчалось ведением богослужения и наличием богословской литературы на близком для древнерусских людей языке. Сам русский язык подвергся внутренней христианизации, и это прослеживается не только в наличии религиозных тем, но и, полагает Г. Флоровский, в самой манере мысли. Внутренняя христианизация структуры русского языка преобразует вербальный срез народного менталитета, делая русский народ одним из самых потенциально христианских народов мира. Фактическая тождественность слов “крестьянин” и “христианин” есть знаменательный символ духовной направленности русского менталитета.

Православие является национальной формой христианства, органически впитавшей в себя особенности народного менталитета и языческих славянских верований, что находит выражение в феномене двоеверия. А. Ельчанинов, В. Эри, П. Флоренский, С. Булгаков в коллективном труде “История религии” считают русское православие единством трех сил (а не двух, как это принято считать): греческой веры, славянского язычества и народного характера, который по-русски принял и переработал византийское православие. Двоеверие – это “ключ”, позволяющий приоткрыть потаенные стороны русского менталитета и дать на этой основе объяснение своеобразия истории и судьбы русского народа. Многие события отечественной истории свидетельствуют об отторжении русским народом рационального способа понимания и преобразования действительности. Объяснение этому факту автор видит в осуществившемся под влиянием двоеверия раздвоении русского менталитета, проявляющемся в непреодолимом дуализме иррационального и рационального. А. Шмеман говорит об упорном сопротивлении русской души Логосу, а Г. Флоровский пишет о существовании в глубинах народного менталитета “дневной” культуры – культуры духа и ума и “ночной” культуры – культуры чувств, мечтания и воображения, причем вторая – иррациональная сторона менталитета доминирует над разумом и рассудочным мышлением. Языческие корни русского менталитета уходят в область бессознательного, но проявляют свою иррациональную стихийную мощь в критические периоды национальной истории, а также в особенностях народной культуры.

Автор выделяет четыре направления влияния православного культа на формирование особенностей русского менталитета. Во-первых, отмечается характерное для русского православия светлое восприятие образа и учения И. Христа. Главный праздник русского народа – Пасха – более сильный акцент делает на идею Воскресения, в то время как на Западе основное внимание уделяется страданиям и страстям Христовым. Во-вторых, сердцем русского православного культа является любовь и почитание Бо-

гоматери, что привносит в русский менталитет женственную чувственность. Н.А. Бердяев напрямую связывает женственность русской души с культом Богородицы, рассматривая русскую религиозность не столько религией Христа, сколько религией Богоматери, матери – земли, женского божества. В-третьих, духовная ипостась русского менталитета формируется под влиянием культа святых, причем дух русской святости, а вместе с тем и русского менталитета символически заключен в братьях Борисе и Глебе. Эти святые символизируют непротивление злу насилием, которое становится предпочитаемой установкой менталитета и свидетельствует о глубоко укорененной в русском народе внутренней свободе духа в ее первоначальном христианском понимании. Образ страдающего, но духовно свободного Христа становится достоянием архетипов бессознательного в народном менталитете. В-четвертых, православие отличается обрядоверием, т.е. признанием первостепенной роли культовых действий в приобщении к христианским ценностям. Ядро обрядоверия – православная литургия, в которой переплетаются духовная красота и красота этого мира (С.Н. Булгаков), отличается пышной театрализованностью, реализмом и космизмом, что еще более усиливает эмоционально-чувственную и мечтательную направленность русского менталитета.

Решающее влияние на формирование духовной составляющей русского менталитета оказывает, по мнению автора, специфика православного религиозно-духовного акта. Религиозно-духовный акт раскрывает внутреннюю структуру веры и указывает на то, какими силами осуществляется любовь к Богу. В религии, считает И.А. Ильин, важно не только то, во что ты веришь, но и то, какими силами души осуществляется твоя вера. Если для католиков и протестантов первичными силами религиозно-духовного акта являются воля и рассудочное мышление, то русский православный любит и верит сердцем, т.е. чувствами. Сердечно-чувственная окраска христианской любви дополняется в православии идеей соборности – представлением о том, что спастись можно только сообща, посредством солидарной ответственности людей друг за друга.

Выявление цивилизационной специфики детерминации русского менталитета позволяет, в соответствии с принципом единства исторического и логического, осуществить следующий шаг в социально-философском анализе менталитета русской нации, связанный с характеристикой его глубинной сущности.

Глава III **“Сущность русского национального менталитета и ее социально-культурные проявления”** содержит анализ основных (первичных, жизнеопределяющих) качеств русского менталитета в контексте идеи многокачественности его сущности. Производится реконструкция на-

следуя отечественной философии по данной проблеме и на основе диалектического снятия осуществляется синтез этого наследия в виде создания современной социально-философской концепции сущности русского национального менталитета, адекватно и исчерпывающе, по мнению автора, отражающей его реальное внутреннее содержание. Все самое сокровенное и важное, что высказано об особенностях национального менталитета в рамках русской философии, можно в конечном итоге концептуально сгруппировать вокруг анализируемых в данной главе сущностных качеств. Характеристика сущности русского менталитета связывается с демонстрацией ее многообразных социально-культурных проявлений, что соответствует взгляду на менталитет как на органическое единство сущности и явления, а также делает теоретические рассуждения более наглядными и доказательными.

В первом параграфе **“Парадоксальность ментальных проявлений и безмерность жизненного порыва”** утверждается, что объективный подход к русскому народу предполагает признание амбивалентности его менталитета, причем ментальные противоречия приобретают у него форму парадоксов.

Первооткрыватель парадоксальности русского менталитета Ф.М. Достоевский считает, что, с одной стороны, русский народ груб и невежествен, предан мраку и разврату, варвар, ждущий света, а с другой – он уже давно просвещен и образован. Противоречивые и одинаково верные утверждения о русском народе согласуются, если уметь различать его душевную красоту от наносного варварства. Обстоятельствами своей истории русский народ соблазняем, развращаем и мучим, но при этом он на удивление сохраняет человеческий облик и красоту своего христианского образа, которая проявляется в кротости, широте ума и незлобии.

Парадоксальность русского менталитета, считает автор, определяется тремя главными причинами. Во-первых, срединным положением России между Востоком и Западом, в силу чего русский менталитет впитывает не только западное, но и восточное влияние. Во-вторых, спецификой русского православия, которое соединяет в форме двоеверия аскетически-монашеские идеи греческой веры и стихийную силу славянского язычества. В-третьих, что особенно подчеркивается, особенностями сочетания в русском менталитете душевных стихий, к которым С.А. Аскольдов относит святое, специфически человеческое и звериное начала. Если у западных народов эти стихии уравновешены, то у русского народа более сильными стихиями являются святое и звериное начало при неразвитом состоянии обусловленного культурой человеческого начала, что может приводить к резким колебаниям между святостью и звероподобием. Поэтому

ярость и мягкость, любовь и ненависть, тихость и беспокойство переплетены в русском менталитете в сложных и подчас неожиданных сочетаниях.

Автор выделяет общенациональный и бытовой уровни существования парадоксов национального менталитета. На общенациональном уровне ключевым русским парадоксом выступает вопрос о том, как мог свободолюбивый и анархический народ создать могущественное государство, поработившее в конечном итоге своих граждан. Ярким социально-культурным проявлением парадоксальности менталитета на этом уровне выступает также существование национального самосознания в полярных формах славянофильства и западничества, причем аргументы западников являются не менее верными по сравнению с контраргументами их оппонентов – славянофилов. На бытовом уровне в русском менталитете причудливым образом сочетаются жестокость, склонность к насилию и доброта, мягкость и человечность; искание правды и упрямое обрядоверие; индивидуализм, обостренное осознание личного достоинства и безличный коллективизм; всечеловечность и национализм; стремление к Богу и воинствующий атеизм; смирение и наглость; рабство и бунт; болезненная сострадательность к чужому горю и склонность причинять страдания другим. Выдающийся знаток русской парадоксальности Н.А. Бердяев считает признание антиномичности русской души условием освобождения национального самосознания и от фальшивой идеализации, и от рабского космополитического самоуничтожения.

Сверхнапряженный характер национального бытия выливается в образование безмерности жизненного порыва как основного качества менталитета, проявляющегося в страстности и бурном проявлении национально-психической энергии. Безмерность жизненного порыва лежит в глубинах менталитета и представляет собой вечный двигатель внутренней энергии и мощи русского духа. Она проявляется в забвении всякой мерки во всем и в потребности хватить через край, в отказе от самых главных святынь и в неукротимом желании заявить о себе в хорошем или поганом (Ф.М. Достоевский). При этом в порыве саморазрушения и самоотрицания честный человек может совершить безнравственный поступок, а добрейший человек – стать преступником. Однако безмерность жизненного порыва имеет и положительные следствия. В критических для России ситуациях срабатывает инстинкт национального самосохранения, и русский народ с большей, чем самоотрицание энергией спасает себя, причем процесс самовосстановления и самоспасения совершается намного основательнее, чем самоотрицание и саморазрушение. Ярким социально-культурным репрезентантом безмерности жизненного порыва выступает поведение русского народа во времена перманентных национальных смут, когда русский народ ставит,

казалось бы, крест на возможности самостоятельного национально-государственного бытия. В самый критический момент срабатывает инстинкт самосохранения, и безмерность жизненного порыва с еще большей энергией работает в противоположном направлении, связанном с самовосстановлением и самосозиданием.

С безмерностью как качеством менталитета автор связывает следующие свойства: максимализм, экстремизм, недостаток средней области культуры, страсть к разрушению ранее созданного. В контексте социально-культурного проявления указанных ментальных свойств в работе объясняется специфика исторического развития России, связанная с ее прерывистым и скачкообразным характером. Российская история, особенно в узловых точках развития, предстает как реализация фанатических максималистских устремлений своих лидеров, в связи с чем обращается внимание на действия Петра I, большевиков, радикальных либералов 90-х гг. XX в. Недостатком средней области культуры объясняется склонность к разрушению ранее созданного (Н.О. Лосский). Разрушить все до основания, а затем создать разрушенное заново – специфическая направленность русского менталитета. В качестве социально-культурного символа указанной направленности менталитета рассматривается послереволюционное разрушение в Москве храма Христа Спасителя и его сегодняшнее восстановление.

Социально-культурные свидетельства о безмерности как качестве русского менталитета не вызывают восторга со стороны прагматичного и холодного рассудка. Однако в русском менталитете расчет и рассудок играют второстепенную роль. Кроме того, русская история развивается таким образом, что прогресс и обновление склонного к застою общества возможны именно посредством приведения в действие колоссальной энергии, заключенной в безмерности жизненного порыва. В своей безмерности русская нация проявляет себя в полноте жизненной мощи как на высотах творческого создания, так и в низинах нигилистического саморазрушения и самоотрицания.

Во втором параграфе **“Стремление к абсолютным ценностям и созерцание сердцем”** рассматривается духовная ориентация русского менталитета, а также эмоционально-чувственная направленность структуры национального сознания.

Духовную тягу к абсолютному отмечают многие философы (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Н.О. Лосский), но самое глубокое описание этого ментального качества дает Л.П. Карсавин. Стремление к абсолютному определяется автором диссертации как тяготение русского народа к осуществлению идеальных абсолютных планов и заданий, сакральных по

своему внутреннему существу и грандиозных по замыслу. Как социально-культурное проявление данного качества менталитета рассматривается создание русским народом великой и обширной державы. Тяготение к абсолютному носит сакральный характер, поскольку оно, во-первых, зиждется на вере в возможность осуществления претенциозных идеальных проектов (причем не только на небе, но и на земле), во-вторых, основывается на какой-то фанатической преданности тем идеалам, в которые верит русский человек. Следовательно, свои мечты об абсолютном русские делают догматом веры, а сами эти идеалы приобретают особую ценность, если они верят в возможность их воплощения в эмпирическую действительность.

Автор выделяет теистическую и атеистическую формы русского стремления к абсолютному, причем в обеих формах имеет место стремление к решению вопросов о сверхсмысле жизни, абсолютной истине и абсолютной правде. Теистическая форма тяги к абсолютному находит воплощение в тысячелетней искренней и по-детски непосредственной вере народа в православные идеалы. Атеистическая форма воплощается в деятельности русских нигилистов и революционеров, поскольку главный пафос их жизни пронизан религиозными мотивами, связанными с поисками абсолютной правды и стремлением перестроить земную жизнь на началах добра и справедливости. В качестве социально-культурного проявления стремления к абсолютному рассматривается советский период русской истории. Народ, веками мечтавший о царстве справедливости и правды на земле, называет его социализмом и, оставаясь внутренне глубоко религиозным, реализует на практике свои представления об этом царстве.

Вера в идеал выступает обязательным условием приведения в действие лучших черт русского менталитета. Ее отсутствие может привести русского до “звероподобного бытия” (Л.П. Карсавин) или стать первопричиной такого явления, как обломовщина. Русским в принципе присущи перепады от безудержного трудолюбия к лени, и эта склонность усугубляется в случае отсутствия у них мнения об идеальной значимости своего труда. Для приведения в действие созидательной трудовой энергии народа важно наличие как общенациональных идеалов, так и индивидуальных ценностей, сопряженных этим идеалам. Автор полагает первопричиной негативных явлений в постсоветском обществе именно отсутствие позитивного общенационального идеала. Старый идеал – справедливое социалистическое общество – утратил общезначимость, а новый идеал – отсутствует. Русскому народу еще предстоит создать общезначимую национальную идеологию, соответствующую современным условиям и в то же время не порывающую с прошлым.

Созерцание сердцем как сущностное качество русского менталитета произрастает из специфической структуры национального сознания, которое, как и сознание индивида, имеет трехкомпонентную структуру, включающую чувства, волю и мышление. В национальных менталитетах имеет место различная комбинация этих форм сознания, приводящая к доминированию одной из них над остальными. Русские относятся к народам, у которых первичной и задающей меру формой сознания выступает чувство. О женственности русской души много пишет Н.А. Бердяев, однако наиболее глубокая характеристика этого качества менталитета содержится в творчестве И.А. Ильина, согласно которому русская душа есть дитя чувства и созерцания. У русских людей чувства и созерцание выступают в роли жизнеопределяющей первичной силы, а мышление и воля являются силами вторичными. Русский сначала должен полюбить или возненавидеть мыслимый и желаемый предмет, прежде чем практически реализовать свои мысли с помощью волевого усилия и интеллектуального размышления. Лишь в этом случае он проявляет повышенную волевою энергию, а его мысль становится подлинно новаторской. В качестве социально-культурного символа данного качества менталитета автор рассматривает научную биографию М.В. Ломоносова, ибо именно интеллектуальное чувство пробуждает могучую волю и гениальный ум основоположника русской науки.

Примат чувственно-созерцательного начала (“сердца”) в менталитете накладывает неизгладимый отпечаток на русский народ и его историческую судьбу. Русские – народ сердца – воспринимают и понимают мир прежде всего через призму чувств и созерцательности. Это качество, полагает автор, становится источником парадоксальности русского менталитета, поскольку из сердца может возникнуть не только доброе, но и злое. Доброе возникает тогда, когда сердце руководствуется мерилем любви и благородных чувств, злое, – если победу одерживает честолюбие, мстительность, тщеславие. Глубокое раскрытие диалектики добра и зла в русском народе содержится у Ф.М. Достоевского. Если сердце русского народа руководствуется злыми намерениями, то поражает его жестокость и необузданный нрав. Но если сердце направляется благородными чувствами, то русский народ удивляет своей сострадательностью и добротой.

Созерцательно-чувственное строение русского менталитета в социально-культурном плане проявляется в своеобразии русской формы веры в Иисуса Христа. Оно накладывает неизгладимый отпечаток на русскую культуру, проявляясь в иконописи, музыке, литературе, философии и т.д. Везде сердце и чувство доминируют над холодной волей, трезвым расчетом и умозрительным рассудком.

Сердечно-чувственная созерцательность как качество менталитета имеет не только благоприятные, но и опасные для русского народа следствия, ибо от чрезмерной созерцательности души людей становятся ленивыми, мечтательными, безвольными, нетрудоспособными (И.А. Ильин). В созерцательности и чувственной окраске менталитета автор видит корни таких ментальных свойств, как паразитическая доверчивость, иррациональность, ослабленная способность аналитико-критического восприятия действительности, повышенная восприимчивость к вербальной суггестии. Социально-культурные проявления нескритичности мышления обнаруживаются в вере в самозванцев, а также в современных фактах, связанных с массовой верой в обогащение за счет ваучерной приватизации или участия в финансовых пирамидах. Складывается впечатление, что русский народ, в отличие от многих других народов, можно вводить в заблуждение сколько угодно долго.

В третьем параграфе **“Национальная стойкость и любовь к свободе”** обозначенные качества менталитета анализируются через призму их русской специфики.

Выделяются три группы факторов, обуславливающих специфику русской стойкости: а) природные, связанные с суровым климатом, что диктует необходимость повышенных затрат физического и интеллектуального труда в экономической сфере; б) социальные, связанные с перманентной необходимостью ведения войн, победы в которых, по причине беспечного и добродушного русского характера, даются не молниеносно и легко, а трудно и благодаря сверхнапряжению сил народа; в) духовные, связанные с ценностной ориентацией православной церкви на идеал непротивления злу насилем, на смирение и покорность во имя грядущего спасения.

Русский инвариант национальной стойкости, считает автор, основан на идее долготерпения, включающей в себя внутреннюю готовность и духовную потребность к страданию. Ф.М. Достоевский считает потребность страдания самой главной и самой коренной потребностью русского народа. Русский народ заражен жаждою страдания, причем она необъяснима только внешними невзгодами, ибо идет из глубины души. Русский менталитет, являясь продуктом сердечно-чувственного созерцания, способствует тому, что человек нередко сам идет навстречу страданиям. Социально-культурные проявления национальной стойкости, доведенной до внутренней духовной потребности в страдании, автор видит в церковном подвижничестве, в фанатизме русских революционеров с их установкой на самопожертвование во имя народного блага, в массовом героизме воинов, в нравственных исканиях великих русских писателей. Следовательно, терпение, доведенное до внутренней духовной потребности в страдании, со-

ставляет суть и краеугольный камень русской формы национальной стойкости. Из сплава терпения и потребности в страдании рождается непротивление злу насилием. Социально-культурным репрезентантом непротивления можно считать укорененную в менталитете установку на покорность властям, которая рассматривается нами как апробированный способ национально-государственного самосохранения, поскольку выступления пусть и против несправедливой власти нередко ставят Россию на грань катастрофы.

Специфика русской стойкости связывается также с выдающейся ролью женщины, и поэтому у национальной стойкости русского народа явно обнаруживается женское лицо. В реальной практике национального бытия женщина прочно занимает ключевое место и символично, что в русском языке, в отличие от многих других языков, слово “Родина” – женского рода. Именно русские женщины проявляют высокую ответственность, решительность и твердость в противостоянии жизненным трудностям, подтверждение чему автор находит не только в прошлом, но и в современной российской действительности.

На любовь к свободе как на основное качество русского менталитета обращают внимание многие русские философы: Н.А. Бердяев, говорящий о России как о стране бесконечной свободы, Н.О. Лосский, относящий свободу духа к первичным свойствам русского народа, И.А. Ильин, дающий самое глубокое, по нашему мнению, проникновение в суть русского переживания свободы и аргументированно опровергающий поверхностные утверждения о тоталитарном характере русского менталитета. Порыв к свободе укоренен в структуре национального сознания, так как доминирующие в нем чувства и созерцание слабо поддаются дисциплине, и их с трудом можно обуздать. Поэтому русский человек как личность более естественен, более иррационален и, как следствие, более анархичен, чем западноевропейец, живущий по законам целесообразности и рассудка. Если западноевропейским идеалом свободы выступает формула о “свободе как осознанной необходимости”, в соответствии с которой человек свободен в рамках мерки, заданной нормами морали и права, то русский идеал свободы – это воля, предполагающая намного более широкую амплитуду колебаний свободного выбора и постоянно выходящая за рамки меры и целесообразности. Внутренняя, изначально данная русским свобода проявляется в таких формах, как душевный простор, созерцательность, творческая легкость, страстная сила, склонность к дерзновению, опьянение мечтой, щедрость и расточительность, способность побеждать страдания юмором (И.А. Ильин). Каждая из этих имманентных форм свободы амбивалентна,

ибо из каждой могут быть высечены искры как сильных, так и слабых проявлений русской ментальности.

Русский порыв к свободе имеет многообразные социально-культурные проявления и оказывает противоречивое влияние на судьбу России. С одной стороны, именно стремление народа к свободе становится, считает автор, первопричиной укрепления и территориального расширения российского государства. Люди бежали от неволи на новые земли, которые затем присоединялись к коренной Великодержаве. С другой стороны, свобода, понимаемая как воля, имеет следствием в области гражданских взаимоотношений неуважение к закону, правам личности, собственности, ведет к коррупции и произволу чиновников. Главное из негативных социально-культурных следствий свободолюбия как воли – это слабо развитое умение осознанно и добровольно подчиняться дисциплине, закону и мере. Свобода, переживаемая как воля, объясняет русскую тягу к безвластию, беззаконию и анархии. Однако автор полагает, что если бы русские лишились безмерной окраски свободолюбия, то они не состоялись бы как народ, внесший неповторимый вклад в мировой исторический процесс. Русская история складывается таким образом, что только выход за границы возможного и разумного позволяет решать казалось бы неразрешимые задачи.

Изначальная амбивалентность свободы и ее существование в виде безмерной воли становится источником возникновения едва ли не главной тайны в судьбе русского народа. Почему такой своевольный и свободолюбивый народ живет в условиях авторитарной, а временами и тоталитарной власти, закабальной народ и делающей его придатком государственной машины? Автор показывает, что русский народ подчиняет анархические наклонности своего менталитета, свидетельствующие о свободолюбии, решению задачи национального самосохранения. В народном менталитете подсознательно присутствует память о трехсотлетнем татаро-монгольском владычестве, и поэтому жизнь под гнетом собственного государства кажется благоднее жизни под игмом иноземцев. Русский народ подчиняет свой свободолюбивый дух принудительной государственной силе ради обуздания дремлющих в глубинах его менталитета бунтарских склонностей и инстинктов. Как только он отказывается это делать, в его менталитете разгораются тлеющие угли анархии, что приводит к социальной нестабильности и массовому произволу. В конечном итоге русский народ вновь возвращается к проверенной и привычной для него авторитарной форме правления. В качестве социально-культурного проявления такой закономерности рассматриваются события 90-х гг. XX в., которые войдут в историю не только как свидетельство свободолюбия народа, отстранившего от власти впавшую в недееспособное состояние партийно-коммуни-

стическую номенклатуру, но и как период “новой русской смуты”. Автор считает позитивной наметившуюся в самое последнее время тенденцию поворота России от самоотрицания к самовосстановлению. Ментальный кризис 90-х гг., проявившийся в нигилистическом отторжении законности и социального порядка, начинает преодолеваться. В русском народе созревает убеждение в том, что лишь восстановление сильной государственной власти выведет общество из системного кризиса и предотвратит возможный распад страны.

В четвертом параграфе “**Мы**” – психология и всечеловеческая толерантность” исследуются качества русского менталитета, связанные с его соборной и коллективистской сущностью.

Важнейшее отличие российской цивилизации от западной цивилизации заключается в неодинаковом сочетании индивидуально-личного (“я”) и социального (“мы”) начал в общественном бытии людей. У народов западной цивилизации “я” доминирует в связке “я – мы”, способствуя развитию у них таких ментальных свойств, как практицизм, расчетливость, эмоциональная черствость, склонность к добросовестности в деле, чувство превосходства над другими народами, способность к самодисциплине и самоорганизации (А.А. Зиновьев). Русский народ развивается в исторических условиях, где “мы” в связке “я – мы” выражено гораздо сильнее, чем у народов западной цивилизации, и поэтому цивилизацию русского народа можно назвать “мы” – цивилизацией. С этой точки зрения русские есть коллективисты, а их общество коллективистское, на что специально обращают внимание Н.А. Бердяев и С.Л. Франк. “Мы” – психологический строй менталитета многократно увеличивает возможности народа в противостоянии сложным климатическим и геополитическим условиям. Выжить можно только сообща, объединяя усилия и преодолевая присущую русским природную анархию. Под влиянием “мы” – психологии складываются такие ментальные черты, как готовность к самопожертвованию, материальная непритязательность, повышенная способность к перенесению превратностей судьбы. Если деятельность русского человека регулируется социальными институтами, реализующими принцип “мы” – психологии (семья, община, церковь, государство), то он проявляет доброту, отзывчивость, самоотверженность, дисциплинированность. Но если он выпадает из-под влияния этого принципа, то начинает демонстрировать ранее скрытые ментальные черты в виде безответственности, склонности к хулиганству, беспашабашности, лени, неорганизованности. Причина такой метаморфозы коренится в слаборазвитой способности к самоконтролю и самодисциплине как оборотной стороне жизни в “тепле коллектива”. Дар исторического творчества русский народ, в силу “мы” – психологического

строю менталитета, проявляет лишь при наличии в обществе ответственной и ориентированной на национальные интересы хозяйственной, политической, интеллектуальной элиты.

Автор считает, что глубинный духовно-нравственный смысл “мы” – психологии раскрывает учение А.С. Хомякова о соборности, в котором решается вопрос о возможности взаимного существования людей, исключая отчуждение, вражду и ненависть при разумном сочетании интересов личности и коллектива без ущемления индивидуальной свободы. А.С. Хомяков и славянофилы считают возможным такое существование людей, которое при сохранении внутренней свободы каждого “я” обеспечивает органическую целостность и единство “мы”. Соборность гарантирует духовную самооценку личности, примиряя посредством христианской любви, свободу каждого (“я”) и единство всех (“мы”).

Соборность, по мнению славянофилов, подразумевает и соответствующее переустройство социальной жизни, причем в России это легче осуществить, поскольку здесь сохраняется материальный аналог соборности – община, которая предохраняет людей от своекорыстного эгоизма и обладает силой духовного единства людей. В дальнейшем именно социальный аспект соборности выдвигается на первый план и, соединяясь с социалистической идеей, практически воплощается в процессе коммунистического эксперимента, который автор рассматривает в качестве социально-культурного проявления “мы” – психологической направленности русского менталитета. Духовной жажде соборности социалистическая идея не противоречит, и поэтому она до сих пор авторитетна у значительной части русского народа.

Всечеловеческая толерантность как сущностное качество русского менталитета включает в себя, прежде всего, терпимое и комплементарное отношение к другим нациям и народам. Ф.М. Достоевский и В.С. Соловьев отмечают присущую русскому народу всечеловечность, проявляющуюся в способности всемирной отзывчивости, в праве любить все человечество, в способности не ненавидеть другие народы за их своеобразие, в слабости национального эгоизма и самомнения. Данное качество воплощается в необыкновенной способности усваивать дух и идеи других народов, а также в осознании своей греховности и в неспособности возводить свое несовершенство в закон. Именно всечеловечность, связанная с готовностью усваивать чужое, помогает русскому народу самосохранять себя в критические моменты национального бытия. Социально-культурным проявлением данной направленности менталитета можно считать призвание варягов и реформы Петра I.

Анализируя сущность русской всечеловечности, автор ссылается на рассуждения В. Шубарта, который сравнивает европейского – прометеевского и русского – иоанновского человека. Европейец – это эмпирический и метафизический эгоист, убежденный в том, что каждый за себя, каждый сам себе бог, поэтому все друг против друга и все против Бога. Для русского – иоанновского человека – присуще чувство всеобщности, братства всех людей, он ощущает во всех людях неделимое целое, ибо русский переживает мир, исходя не из “я”, а из “мы”. Если доброта и самоотверженность европейцев являются следствием победы внешнего для них категорического императива и чувства долга, то у русских эти свойства носят спонтанный характер, ибо они имманентны их менталитету.

Ярким социально-культурным проявлением всечеловечности выступает мессианиззм. Мессианская идея есть выражение всечеловечности в масштабах глобальной мировой политики. Эта идея может не осознаваться или принимать разнообразные политико-идеологические формы, но не меняет своей глубинной сути, – Россия призвана сыграть спасительную и освободительную миссию для других народов мира. Стремление к всечеловечности подталкивает русских выходить за границы своей страны и порождает мессианские настроения, выступающие в разнообразных исторических формах: идеи о “Москве – Третьем Риме”, призванном спасти чистоту православия, призывов славянофилов о необходимости спасения славян, большевистской идеи о спасении мира от капиталистического гнета и т.д.

В силу парадоксальности русского менталитета всечеловечность и всеоткрытость могут иметь опасные следствия, главные из которых видятся в зачаточном развитии национального самосознания, а также в легком попадании под влияние худших образцов западной массовой культуры. Настораживает также неразвитость национального единения в среде русских, бесчувствие русских к русским, отсутствие у них национальной спайки, “обморочное” состояние национального самосознания (А.И. Солженицын). Всечеловечность, по мнению автора, не должна означать нивелировку и потерю русскими своего национального, в том числе ментального своеобразия. Лишь сохранив свой самобытный менталитет, русский народ сможет плодотворно влиять на мировой культурно-исторический процесс.

Автор полагает, что рассмотренные в данной главе основные качества русского менталитета исчерпывают его глубинную внутреннюю сущность и адекватно отражают как отечественное философское наследие, так и реальное объективное состояние русского национального менталитета.

Именно они определяют меру и внутреннюю устойчивость менталитета русской нации.

В **Заключении** формулируются основные итоги исследования, намечаются направления дальнейшей работы над темой и делается вывод о целесообразности более активного использования категории “национальный менталитет” в современной социальной философии.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

1. Сущностные силы души русского народа. – Ижевск: Шеп, 1998. – 47 с.
2. Душа русской цивилизации. – Ижевск: ИжГТУ, 1998. – 152 с.
3. Душа русского народа: Природно-историческая обусловленность и сущностные силы / Рос. филос. о-во; Межвуз. центр проблем непрерыв. гуманитар. образования при Урал. гос. ун-те им. А.М. Горького. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. – 159 с.
4. Генезис и сущность русского национального менталитета. – Ижевск: Шеп, 2000. – 286 с.
5. Сознание и самосознание русского народа: проблема соответствия // Судьба России: прошлое, настоящее, будущее: Тез. Всерос. конф. – Екатеринбург: УрГУ, 1995. – С. 20-23.
6. О некоторых проблемах современной концепции философии истории // Тез. докл. 2-й универс.- акедм. науч. практ. конф. Ч.1. – Ижевск: УдГУ, 1995. – С. 141.
7. Душа русского народа как предмет философского осмысления // Уральская философская школа и ее вклад в развитие современной философии: Материалы науч.- практ. конф. – Екатеринбург, 1996. – С. 151-153.
8. О субъекте русского национального самосознания // Судьба России: духовные ценности и национальные интересы: Тез. Второй Всерос. конф. – Екатеринбург: УрГУ, 1996. – С. 8-10. (В соавт.)
9. Парадоксальность русской души // Судьба России: духовные ценности и национальные интересы: Докл. Второй Всерос. конф. – Екатеринбург: УрГУ, 1996. – С. 93-103.
10. Трудолюбие как добродетель русской души // Образование и нравственность: Материалы городской науч.- практ. конф. – Екатеринбург, 1996. – С. 92-94.
11. Двуликий Янус: русская цивилизация как евразийский синтез // Народы России и взаимодействие культур: Тез. докл. и сообщ. науч.- практ. конф. – Уфа: УГИИ, 1996. – С. 104-106.

12. Цивилизационная самобытность души русского народа // Российское государство: прошлое, настоящее, будущее: Материалы 2-й науч. конф. – Ижевск: Вост.-европейский ун-т, 1997. – С. 33-35.

13. Этнографические истоки самобытности души русского народа // Русская национальная идея: духовное наследие и современность (Сборник статей). – Екатеринбург: УрГУ, 1997. – С. 60-68.

14. Преодоление информационно-психологических барьеров в процессе публичного выступления // Исторический опыт и перспективы общественно-просветительской деятельности: Материалы науч.- практ. конф. – Ижевск: УдГУ, 1997. – С. 47-53.

15. Роль национального менталитета в реализации модернизационных проектов // Удмуртия накануне третьего тысячелетия: Тез. докл. науч.-практ. конф. Ч.1. – Ижевск: УдГУ, 1998. – С. 29-30

16. Воля вместо свободы // Труды науч.- практ. конф. ИжГСХА. Ч.II. – Ижевск: ИЖГТУ, 1998. – С. 71-72.

17. Роль женщины в сохранении национальных традиций и духовных ценностей русского народа // Женщины и общество: вопросы теории, методологии и практики: Материалы традиц. (IV) Всерос. конф. с междунар. участием. – Ижевск: УдГУ, 1998. – С. 31-33.

18. Стремление к абсолюту как сущностная сила души русского народа // Судьба России: исторический опыт XX столетия: Тез. Третьей Всерос. конф. – Екатеринбург: УрГУ, 1998. – С. 21-24.

19. Сущностные силы русской души и судьба России // Судьба России: исторический опыт XX столетия: Докл. Третьей Всерос. конф. – Екатеринбург: УрГУ, 1998. – С. 87-99.

20. Модернизация России и национальный менталитет // Человек в истории: теория, методология, практика: Тез. докл. Рос. науч. конф. Ч.1. – Челябинск: ЧГИИК, 1998. – С. 76-78.

21. Специфика религиозно-духовного акта в русском православии // Воспитание духовности: ценности и традиции: Докл. и тез. Второй Всерос. конф. – Екатеринбург: УГППУ, 1999. – С. 61-64.

22. О первоисточнике национально-государственного кризиса в современной России // Экономическая, правовая и духовная культура России на рубеже тысячелетий: Науч.-практ. конф.: Тез. докл.: В 3 т. Т.3. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 1999. – С. 47-50.

23. Душа русского народа: опыт философской реконструкции сущностных качеств русского национального характера // XXI век: будущее России в философском измерении: Материалы Второго Рос. филос. конгресса: В 4 т. Т.4: Философия духовности, образования, религии. Ч.1. – Екатеринбург: УрГУ, 1999. – С. 118-119.

24. Роль православия в становлении русского народа и особенностей его национальной души // История церкви: изучение и преподавание: Материалы науч. конф., посв. 2000-летию христианства. – Екатеринбург: УрГУ, 1999. – С. 80-83.

25. Влияние православного культа на формирование менталитета русского народа // Судьба России: образование, наука, культура: Тез. Четвертой Всерос. конф. – Екатеринбург: УрГУ, 2000. – С. 364-366.

Сдано в набор 07.03.2001 г. Подписано в печать 12.03.2001 г.
Формат 60x84/16. Объем 2,5 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 4730.
Гарнитура Times New Roman. Отпечатано на Rex-Rotari Ижевской
государственной сельскохозяйственной академии (ИжГСХА).
426069, Ижевск, ул. Студенческая, 11.